

Содержание

Харчевня королевы Гусиные Лапы. <i>Перевод Н. Жарковой</i>	5
Суждения господина Жерома Куаньяра. <i>Перевод С. Боброва, М. Богословской</i>	229
Красная лилия. <i>Перевод А. Федорова</i>	361

*Харчевня королевы
Гусиные Лапы*

* Подлинная рукопись, написанная прекрасным почерком XVIII века, имеет подзаголовок: «Жизнь и суждения господина аббата Жерома Куаньяра». (Прим. издателя.)

Я решил поведать миру о тех примечательных встречах, что произошли на моем веку. Бывали встречи прекрасные, бывали и странные. Перебирая их в памяти, я и сам подчас сомневаюсь, уж не пригрезилось ли мне все это. Знавал я одного каббалиста-гасконца; не скажу, чтобы он блистал особой мудростью, поскольку погиб столь нелепым образом, но однажды ночью на Лебязьем острове он вел со мной возвышенную беседу, смысл каковой я, по счастью, удержал в памяти и озаботился занести на бумагу. Предметом его речей была магия и оккультные науки, к которым нынче весьма пристрастились. Только и слышно разговоров, что о розенкрейцерах*. Не льщусь, однако ж, мыслью, что откровения гасконца послужат к моей славе. Одни скажут, будто все выдумал я сам и что учение это не истинное; другие же — что передаю я вещи давным-давно всем известные. Не скрою, сам я не слишком силен в каббалистике, ибо мой гасконец погиб, успев ввести меня лишь в преддверие ее тайн. Но даже то малое, что узнал я об этом искусстве, наводит меня на мысль, что все в нем лишь обман, заблуждение и суета. Впрочем, одно уж то, что магия противоречит религии, способно навеки отвратить меня от подобных занятий. Тем не менее почитаю своим прямым долгом дать разъяснение по одному вопросу этой лженауки, дабы не прослыть в глазах людей еще большим невеждой, чем

* Эти слова написаны во второй половине XVIII века. (Прим. издателя.)

есть я на самом деле. Мне ведомо, что каббалисты обычно полагают, будто сильфы, саламандры, эльфы, гномы и гномиды рождаются на свет со смертной, как и тело их, душою, приобретают же они бессмертие лишь чрез общение с магами*. Мой же каббалист, напротив того, учил, что жизнь вечная не может быть ничьим уделом, будь обиталищем живого существа земля или воздух. Я старался следовать ходу его мысли, воздерживаясь от какого-либо суждения.

Мой каббалист любил повторять, что эльфы умерщвляют каждого, кто раскроет их тайну, и приписывал кончину г-на аббата Куаньяра, убитого на Лионской дороге, мстительности этих духов. Я же прекрасно знаю, что смерть эта, которую никогда не перестану оплакивать, произошла в силу куда более естественных причин, и позволяю себе совершенно свободно толковать о духах воздуха и огня. Любого из нас подстерегают опасности в жизни, эльфы же представляют опасность наименьшую.

С усердием собрал я суждения моего доброго учителя г-на аббата Жерома Куаньяра, о смерти коего уже упоминал выше. Был он человеком великой учености и благочестия. Если бы природа не наделила его столь беспокойной душой, он несомненно сравнялся бы в добродетели с г-ном аббатом Роленом, которого превосходил как обширностью знаний, так и глубиною ума. Впрочем, полная треволнений жизнь дала ему еще и то неоспоримое преимущество перед г-ном Роленом, что он не впал в янсенизм. Ибо устои духа его были слишком прочны, и не могли их поколебать неистовые и предрезостные доктрины; я сам готов свидетельствовать перед богом о чистоте его верований. В общении с людьми самыми разнообразными почерпнул он знание света. Этот опыт весьма бы ему пригодился при написании истории римлян, чем он несо-

* Как раз это мнение высказывает аббат Монфокон де Виллар в небольшой книжице под названием «Граф Габалис, или Разговоры о тайных и чудесных науках, в согласии с началами древних магов или мудрецов-каббалистов». Книга выдержала множество изданий. Ограничусь указанием на то, что вышло в Амстердаме (у Жака Ле Жен, 1700 год, in 18°, с картинками); оно содержит вторую часть, которая в первоначальном издании отсутствует. (*Прим. издателя.*)

мненно занялся бы по примеру г-на Ролена, если позволило бы время и если бы обстоятельства жизни более споспешествовали его дарованиям. То, что я расскажу об этом превосходнейшем человеке, послужит к украшению моих воспоминаний. И подобно Авлу Гелию, который отвел страницы своих «Аттических ночей» избранным речениям философов, подобно Апулею, который в своих «Метаморфозах» приводит чудесные сказания греков, задумал и я, подражая пчеле, собрать с ее упорством наитончайший мед. Никогда не осмелюсь притом тешить себя лестной мыслью о соперничестве с этими двумя великими мужами, ибо я черпаю свои богатства в житейских воспоминаниях, а не в усердном чтении. Моя лепта — в совершенной чистоте помыслов. Ежели кому придет охота прочесть мои записки, он признает, что одна лишь чистая душа могла излить себя в таких простых и незамысловатых словах. С кем бы я ни общался, я всегда слыл человеком бесхитростным, и писания мои лишь укрепят это мнение после того, как я покину земную юдоль.

* * *

Зовут меня Эльм-Лоран-Жак Менетрие. Отец мой Леонар Менетрие держал на улице св. Иакова харчевню под вывеской «Королева Гусиные Лапы»; королева эта, как известно, имела перепончатые лапки наподобие гуся или утки.

Наш навес возвышался как раз против церкви Бенедикта Увечного, между г-жой Жилль — галантерейная лавочка «Три девственницы» — и г-ном Блезо — книготорговля «Под образом св. Екатерины», — неподалеку от «Малютки Бахуса», чья решетка, увитая виноградными листьями, выходила на угол Канатной улицы. Батюшка весьма меня любил, и когда после ужина меня укладывали в кровать, он, взяв мою ручонку, перебирал один за другим все пальцы, начиная с большого, и приговаривал:

— Этот по воду ходил, этот дрова носил, этот огонь разводил, этот кашку варил. А мизинчику не дали... Каш-

ки, кашки, кашки, — прибавлял он, шекоча моим же мизинцем мою ладонь.

И громко смеялся. Я тоже смеялся, засыпая, и матушка уверяла, что еще поутру на губах моих играла улыбка.

Батюшка был не только отменный харчевник, но и человек богобоязненный. Поэтому-то в праздничные дни он носил цеховое знамя харчевников, на котором был искусно вышит святой Лаврентий со своим рашпером и золотой пальмовой ветвью. Отец мой часто говаривал:

— Жако, твоя матушка — святая и достойная женщина.

Эти слова он повторял при каждом удобном случае. И впрямь, матушка каждое воскресенье отправлялась в церковь, прихватив книгу, напечатанную крупным шрифтом. Ибо мелкие буквы она разбирала с трудом и жаловалась, что от них в глазах рябит. Каждый вечер батюшка часок-другой проводил в кабачке «Малютка Бахус», куда заглядывали также Жаннета-арфистка и Катрина-кружевница. И всякий раз, когда он возвращался домой, чуть запоздав против обычного, он, надевая на ночь полотняный колпак, умильно возглашал:

— Барб, почивайте с миром. Только что я говорил хромому ножовщику: моя супруга — святая и достойная женщина.

Мне минуло шесть лет, когда в один прекрасный день батюшка, обдернув свой передник, что служило у него признаком решимости, повел такую речь:

— Наш добрый пес Миро вращал вертел целых четырнадцать лет. Он безупречно нес свою службу. Этот честный работяга ни разу не стащил даже кусочка индейки или гуся. И довольствовался он за свой труд одной наградой — разрешением вылизывать противни. Но он стареет. Лапы его не слушаются, глаза слепнут, и куда ж ему вращать вертел. Тебе, Жако, тебе, сынок, пора занять его место. Привычка и сообразительность помогут справиться с делом не хуже нашего Миро.

Миро слушал наш разговор и одобрительно вилял хвостом. А батюшка продолжал:

— Итак, ты будешь сидеть на этой скамеечке и вращать вертел. Но чтобы образовать свой ум, ты будешь твердить букварь, и когда со временем сможешь различать все печатные буквы, то выучишь наизусть какую-нибудь книжку, грамматику, или там притчи, или же прекрасные изречения из Ветхого и Нового Завет. Ибо познание господя и умение отличить добро от зла необходимо человеку, занятому даже рукоеслом, пусть нехитрым, но зато достойным, каковое есть мое ремесло, было ремеслом моего родителя и, если будет на то милость божья, станет и твоим.

С того самого дня, сидя от зари до зари в уголке у очага, я вращал вертел, держа на коленях открытый букварь. Один добрый капуцин с сумой за плечами, как-то заглянув в нашу харчевню в надежде получить подаяние, стал учить меня грамоте. В это занятие он вкладывал тем более охоты, что батюшка, почитавший науки, оплачивал уроки добрым куском индюшатины и полным стаканом вина; наконец брат капуцин, убедившись, что я достаточно бойко составляю слоги и даже целые слова, принес мне назидательное «Житие святой Маргариты» и стал учить меня по этой книге беглому чтению.

В один прекрасный день, положив по обыкновению свою котомку на прилавок, капуцин уселся рядом со мной, засунул босые ноги в теплый еще пепел очага и заставил меня в сотый раз повторить:

Дева чистая, святая,
При родах нам помогая,
Смилуйся над нами.

В эту самую минуту дверь распахнулась, и мужчина дородного телосложения, однако благородной осанки, в священническом облачении, переступил порог харчевни и зычно позвал:

— Эй, хозяин, подайте-ка мне кусок мяса, да по-сочнее!

Несмотря на седину, он, казалось, был полон сил и не стар годами. На губах его играла веселая улыбка, а взгляд был живой. Чуть отвислые щеки вместе с трой-

ным подбородком величественно спускались до самых брыжей, которые из сочувствия ко всему прочему покрылись слоем жира, под стать шее, не вмещавшейся в воротнички.

Мой батюшка, который славился любезностью даже среди харчевников, стащил с головы колпак и, поклонившись, сказал:

— Ежели вы, ваше преподобие, соблаговолите погреться у камелька, через минуту-другую я подам все, что вы пожелаете.

Аббат не заставил себя просить и присел перед очагом рядом с моим капуцином. Услышав, что тот тянет вслух:

Дева чистая, святая,
При родах нам помогая... —

новоприбывший хлопнул в ладоши и воскликнул:

— Ого! Птичка редкостная! Чудо-человек! Капуцин, умеющий читать! Как же вас звать, братец?

— Брат Ангел, недостойный капуцин, — отвечал мой наставник.

Услышав чужие голоса, матушка, влекомая любопытством, спустилась из верхней горницы.

Аббат приветствовал ее вежливо, но уже как старый знакомый, и обратился к ней со следующими словами:

— Вот что достойно изумления, сударыня: брат Ангел — капуцин и, однако, умеет читать!

— Он может разобрать любую руку, — подхватила матушка.

И, приблизившись к брату Ангелу, она узнала молитву св. Маргариты по картинке, на которой изображена была святая дева-великомученица с кропилом в руках.

— Молитву эту, — добавила матушка, — очень трудно прочесть, потому что слова тут крохотные, одно к другому лепится. На счастье страждущих, достаточно приложить ее заместо пластыря к наболевшему месту, и она окажет действие ничуть не слабее, а пожалуй, и посильнее, чем при чтении вслух. Я сама, сударь, это на себе испытала,

когда разрешалась от бремени сыном моим Жако, здесь присутствующим.

— И не сомневайтесь, добрейшая сударыня, — подхватил брат Ангел. — Молитва святой Маргариты доходчивее прочих при тех обстоятельствах, о коих вы изволили упомянуть, особенно если не забывать милостью своей капуцинов.

С этими словами брат Ангел осушил полную до краев чарку, которую ему поднесла матушка, закинул свою суму за спину и направился в сторону «Малютки Бахуса».

Батюшка подал аббату четверть жареной индейки, а тот, вынув из кармана ломоть хлеба, склянницу вина и нож, медная рукоятка коего изображала нашего усопшего государя в обличии римского императора, водруженного на античную колонну, принялся за еду.

Но, положив в рот первый кусок, аббат оборотился к батюшке и попросил соли, выразив удивление, что на стол своевременно не поставили солонки.

— Таков, — сказал он, — обычай древних. Они предлагали гостю соль в знак гостеприимства. И также ставили солонки в храмах на пелену у языческих алтарей.

Батюшка подал крупную серую соль, хранившуюся в деревянном башмаке, который обычно висел у очага. Аббат густо посолил жаркое и произнес:

— Древние почитали соль необходимейшей приправой ко всем блюдам и так ее ценили, что иносказательно называли «солью» те остроумные слова, которыми приправляют беседу.

— Ах, — вздохнул батюшка, — как бы ни ценили соль ваши древние, нынче она по причине налогов в еще большей цене.

Не переставая шевелить спицами, матушка, вязавшая шерстяной чулок, обрадовалась случаю вставить словечко.

— Надо полагать, — начала она, — что соль и впрямь хорошая штука, коли священник кладет крупичу ее на язык младенца во время обряда крещения. Когда мой Жако почувствовал на языке вкус соли, он весь сморщился, потому что уже тогда, будучи совсем крошкой, отли-

чался умом. Я говорю, господин аббат, о моем сыне Жаке, здесь присутствующем.

Взглянув на меня, аббат сказал:

— Сейчас он уже совсем большой мальчик. На лице его написана скромность, и он со вниманием читает «Житие святой Маргариты».

— Это еще что! — подхватила матушка. — Он читает и молитву против ознобления и молитву святого Юбера, каким научил его брат Ангел, и еще историю про одного человека, которого в предместье Сен-Марсель пожрали дьяволы, так как он хулил святое имя господне.

Батюшка, с умилением глядя на меня, нагнулся к аббату и шепнул ему на ухо, что я-де по врожденной своей природной понятливости могу выучить все что угодно.

— Стало быть, — проговорил аббат, — надобно его приобщить к изящной словесности, каковая возвышает человека в глазах общества, служит утешением противу житейских бед и лекарством ото всех недугов, даже любовных, как утверждал поэт Феокрит.

— Пусть я всего-навсего лишь скромный харчевник, — отвечал батюшка, — но я почитаю науки и верю, что они служат, как говорит ваша милость, лекарством от любви. Однако ж сомневаюсь, чтобы они могли стать лекарством от голода.

— Возможно, их нельзя уподобить всеисцеляющей мази, — возразил аббат, — но все же они приносят кое-какое облегчение на манер умягчающего, хоть и несовершенного бальзама.

Так говорил он, как вдруг на пороге харчевни показалась Катрина-кружевница со сбитым на сторону чепцом и изрядно помятой косынкой. При виде ее матушка нахмурилась и спустила две-три петли на своем вязании.

— Господин Менетрие, — обратилась Катрина к батюшке, — пойдите замолвите словечко дозорным стражам, иначе они непременно засадят брата Ангела за решетку. Достойный братец только что явился в «Малютку Бахуса», где и выкушал две, а может, три кружки пива, за которые не заплатил, опасаясь, по его словам, преступить правила, преподанные святым Франциском. Но худо дру-

гое: увидев, что я сижу в беседке с веселой компанией, он подошел, желая научить меня новой молитве. Я сказала, что сейчас для этого не время, но так как он упорствовал, колченогий ножовщик, с которым мы сидели рядышком, дернул его, и пребольно, за бороду. Тогда брат Ангел набросился на ножовщика, и тот покатился на землю, опрокинув стол и стоявшие на нем кувшины. На шум прибежал хозяин и увидел, что стол опрокинут, вино разлилось, а брат Ангел, придавив ногой голову ножовщика, размахивает табуретом и того, кто посмеет подойти, бьет не глядя; тогда зловредный хозяин начал ругаться последними словами и побежал за стражниками. Идите скорее, господин Менетрие, идите не мешкая, вызволите несчастного братца из лап стражников. Он святой человек и в этом деле заслуживает прощения.

Вообще-то батюшка охотно угождал Катрине. Однако на сей раз слова кружевницы не произвели на него того действия, на какое она рассчитывала. Он заявил, что находит непростительным подобное поведение со стороны капуцина и желает, чтобы того поскорее посадили на хлеб и воду в самую что ни на есть мрачную дыру, в подземелье той обители, чьим позором и бесчестьем он сделался.

С каждым словом батюшка все больше распалялся:

— Чтоб какой-то пьяница и развратник, кому я каждый божий день даю чарку доброго вина и самые жирные куски, отправился озорничать в кабак с гулящими девицами, которые до того уж дошли, что предпочитают общество бродячего ножовщика и капуцина обществу честных торговцев, облеченных доверием всего квартала! Какого черта!

Тут батюшка вдруг прервал свою отповедь и украдкой взглянул на матушку; она, вытянувшись, стояла у лестницы, сурово и резко шевелия спицами.

Катрина, удивленная столь нелюбезным приемом, сухо проговорила:

— Стало быть, вы не хотите замолвить за него словечко перед кабатчиком и перед стражниками?

— Если прикажете, я им скажу словечко, — посоветую забрать вместе с капуцином и ножовщика.

— Как же так! — воскликнула кружевница со смехом. — Ведь ножовщик ваш друг.

— Не так мой, как ваш, — гневно отрезал батюшка. — Этот-то бродяга, разносчик, да еще хромой.

— Ах, вот оно в чем дело, — хихикнула Катрина, — верно, он хромает. Но хромать-то хромает, да в цель попадает!

И, громко смеясь, она покинула харчевню.

Батюшка повернулся к аббату, который аккуратно соскабливал ножом с индюшачьей ноги остатки мяса:

— Так вот, как я уже имел честь докладывать вашей милости, за каждый урок чтения и письма, который этот капуцин давал моему сыну, я платил ему чаркой вина и лакомым куском — зайчатины, крольчатины, гусятины, а то и пулярки или каплуна. Он просто пьянчужка и забулдыга!

— Будьте благонадежны, — подхватил аббат.

— Попробуй он только переступить порог харчевни, я его грязной метлой прогоню.

— И отлично сделаете, — одобрил аббат. — Этот капуцин суший осел, и учил-то он вашего сынка не столько человеческой речи, сколько ржанию. Бросьте в огонь «Житие святой Маргариты», молитву против обмороживания и все эти истории про оборотней, которыми монах отравлял разум отрока, — и вы совершите благое дело. За ту цену, что получал от вас брат Ангел, я сам согласен давать уроки, я обучу это дитя латыни и греческому, обучу даже французской речи, над усовершенствованием коей немало потрудились Вуатюр и Бальзак. Таким образом, благодаря двойной и редкостной удаче сей юный вертеловерт, сей Жако Турнеброш, станет ученым мужем, а я буду каждодневно обедать.

— По рукам! — вскричал батюшка. — Принесите-ка нам, Барб, две чарки. Пока обе стороны не чокнутся в знак согласия — дело не пойдет. Разопьем вино здесь. Ноги моей больше не будет в «Малютке Бахусе», только бы подальше от этого ножовщика и этого капуцина.

Аббат поднялся с места и, опершись на спинку стула, произнес медленным торжественным тоном:

— Прежде всего благодарю тебя, создатель, творец и попечитель всего сущего, за то, что ты привел меня в сей дом хлебодарный. Один лишь ты направляешь наши стопы, и в делах повседневных узнаем мы твои предначертания, хотя было бы весьма дерзко, а то и просто неуместно следовать им слишком неукоснительно. Ибо каждый наш шаг направляет божественная длань, ее обнаруживаем мы в любых делах, само собой разумеется, возвышенных, коль скоро в них сказывается воля божья, и, однако ж, низменных и смехотворных, коль скоро в них участвуют люди, а воля его открывается нам только в своей человеческой ипостаси. Посему не будем, как то делают капуцины и простодушные женщины, при виде козявки вопить, что ползет она-де, выполняя промысел божий. Воздадим хвалу отцу небесному, помолимся ему, дабы просветил он меня в тех знаниях, какие я надеюсь передать этому отроку, а что касается всего прочего, положимся на его святую волю, не пытаюсь понять ее через малое.

Потом, подняв чарку, он отхлебнул чуть не половину.

— Вино, — сказал он, — вносит в состав человеческого тела приятное и оздоравливающее тепло. Влага сия достойна быть воспета на Теосе или в Тамиле князьями вакхической поэзии Анакреоном и Шолье. Мне хочется омочить вином губы юного моего ученика.

Он поднес чарку к моему подбородку и воскликнул:

— Пчелы Академии, сюда, сюда, спуститесь благозвучным роем на уста Якобуса Турнеброша, посвященные отныне музам.

— О господин аббат, — вмешалась матушка, — вино и вправду привлекает пчел, особенно сладкое вино. Но зачем этим злыдням, этим мухам садиться на губы моего Жако, ведь они пребольно жалят. Как-то раз я надкусила персик, а пчела возьми да и ужаль меня в язык, от боли я света божьего невзвидела. И полегчало мне лишь тогда, когда брат Ангел положил мне на язык щепотку земли, смешанной со слюною, и прочел молитву святому Козьме.

Аббат разъяснил матушке, что о пчелах он упомянул в иносказательном смысле. А батюшка, не сдержавшись, упрекнул ее:

— Барб, вы святая и достойная женщина, но я сотни раз замечал за вами прискорбную слабость врываться очертя голову в серьезную беседу, забывая, что хуже всего соваться в воду, не спросясь броду.

— Может, и так, — согласилась матушка. — Но если бы вы слушались моих советов, Леонар, вам же было бы лучше. Понятно, я не разбираюсь во всех пчелах, какие бывают на свете, но я понимаю, как нужно вести дом и что полагается делать мужчине в летах, отцу семейства и знаменосцу цеха, дабы сохранить приличие и благонравие.

Батюшка поскреб за ухом и налил вина аббату, который произнес со вздохом:

— Увы, в наши дни наука не столь почитаема во Французском королевстве, как была она почитаема у римского народа, хотя к тому времени, когда риторика возвысила Евгения до императорского сана, римляне уже утратили свои древние добродетели. В наш век не редкость видеть сведущего человека на чердаке без света и огня. *Exemplum ut talpa**. Тому примером я.

Тут он поведал нам историю своей жизни, каковую и привожу дословно, разве что за исключением тех мест, которые я, по детскому своему недомыслию, не мог уразуметь, а следовательно, и удержать в памяти. Надеюсь, что мне все же удалось восстановить пробелы, пользуясь теми признаниями, какие делал он позднее, когда удостоил меня своей дружбы.

* * *

— Таким, каким вы видите вашего покорного слугу, — начал аббат, — или, вернее сказать, таким, каким вы меня не видите, — ибо тогда был я молод, строен, черноволос и быстроглаз, — я преподавал свободные искусства в коллеже Бове под началом господ Дюге, Герена, Коф-

* Тому примером крот (*лат.*).